

Рис. 1. Обуздать взбесившегося верблюда невероятно сложно.

Глава II

КОРАН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

*Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

А. С. Пушкин. *Пророк* (1826)

Очень хорошо помню, как много лет назад, читая первый раз перевод Корана, сделанный И. Ю. Крачковским, я споткнулся о фразу «Заклеймим Мы его по хоботу!» (68:16). Было очевидно, что что-то здесь не так, но разобраться с этим фрагментом я смог совсем недавно, когда мы с коллегами приступили к большой работе по изучению материального мира, так или иначе отраженного в Коране.

Арабы метят скот раскаленным железным тавром: «Заклеймим Мы его морду» (68:16), — говорится о грешнике. Кожу верблюдов, страдающих чесоткой (*рис. 1*), обрабатывают расплавленной смолой или горячим дегтем: грешники в Коране стоят в оковах, «одеяние их из смолы, лица их покрывает огонь» (14:51). Невольно вспоминается строка из «Му‘аллаки» знаменитого доисламского поэта ат-Тарафы (середина VI в.), которого изгнали сородичи, оставив одного, «словно вымазанного дегтем чесоточного верблюда»¹. Упрямому верблюду в носу выжигается отверстие, куда вставляется повод: «И лица в тот день мрачные — можно подумать, что сделаны в них отверстия» (75:24–25).

Такова истинная участь грешников согласно Корану².

¹ W. A. Clouston. *Arabian Poetry* (Glasgow, 1881), No. 53, с. 23.

² Подробнее об этом см. ниже в главе 8.

Коран, собрание откровений, которые были произнесены Мухаммадом между 610 и 632 гг. главным образом в Мекке и Медине, является самым ранним и наиболее достоверным прозаическим памятником переходной в истории Аравии эпохи, эпохи, в которую происходил процесс становления общеаравийских государственных институтов, завершалась этническая консолидация аравийских племен, возникала идеология, не только отразившая новые социально-политические реалии, но и ставшая основным «инструментом», позволившим успешно разрешить проблемы, возникшие перед обществом.

2.1. Откровение

Проповеди-откровения Мухаммада, человека, оказавшегося в этот период в центре охватившего Аравию религиозно-политического движения, естественным образом отразили те новые общественные отношения, которые уже бытовали в оседлом обществе Внутренней Аравии, но еще не были закреплены традицией, правовыми обычаями и институтами. В Коране впервые авторитетом Аллаха легализуются социальные институты, нормы и представления, сложившиеся в развитых оседлых обществах Внутренней Аравии, таких как Мекка, Медина (Йасриб), Та'иф.

Для мусульман Коран прямое слово Бога, обращенное к его Пророку, а через последнего к его последователям. Аллах вкладывал в уста Мухаммада слова «на языке арабском ясном», который был выбран Богом для своего последнего откровения, ниспосланного людям. Каждое слово и каждая фраза восходят к «хранимой скрижали» (*ал-лаух ал-махфуз*) (85:22), небесному архетипу всех Писаний. Эти слова передавались Пророку Джибрилом, ангелом, избранным Аллахом для этой миссии (*рис. 2*). Согласно Корану, Мухаммад — обычный смертный, не способный творить чудеса. Главное чудо, подтверждающее его пророческую миссию, и есть Коран.

Само слово «Коран» (араб. *ал-кур'ан* «чтение вслух», «наизусть», возможно, под влиянием сирийского *qeryana* «чтение Свя-

Рис. 2. «Мухаммад получает свое первое откровение от Джibriла». Миниатюра из рукописи, созданной в начале XIV в. в Тебризе и представляющей сочинение «Джами' ат-Таварих», составленное Рашид ад-Дином ал-Хамадани (1247–1318). Коллекция библиотеки Эдинбургского университета, Шотландия.

щенного текста, «назидание») первоначально было лишь одним из нескольких слов, которыми Мухаммад обозначил отдельные, обычно короткие откровения, составившие его проповеди. Слово *кур'ан* употреблялось им наряду со словами *хадис* «рассказ», *хакк* «истина», *сура* «наиважнейшее», *айа* «знак», «чудо», «знамение», *танзил* «ниспослание», *ал-хикма* «мудрость», *ал-фуркан* «различение (между истинным и ложным)», *аз-зикр* «напоминание (того, что было ниспослано прежде)». С увеличением числа откровений, появлением их новых записей и по мере все большего противопоставления Корана Писаниям иудеев (*ат-Таура*) и христиан (*Инджил*) в тексте Корана появляется термин *китаб* «книга», частотность употребления и важность которого возрастают в *сурах*

мединского периода жизни Мухаммада. Впоследствии термины *айа*, *сура* и *кур'ан* приобретают узкое терминологическое значение: первый как обозначение наименьшего уровня членения коранического текста, второй как обозначение промежуточного уровня, и третий как обозначение всей Священной книги. Коран как «физический объект» обозначается также термином *ал-мусхаф* («свиток»). Последний в самом тексте Корана не встречается.

Существующий текст Корана содержит 114 *сур* разной величины (от 3 до 286 *айатов*, от 15 до 6144 слов). Общее число *айатов*, согласно разным системам подсчета, колеблется от 6204 до 6236. Деление на *айаты* часто не совпадает со смысловым членением текста. Оно может быть связано и с ритмической структурой *суры*.

Принцип организации текста связан с историей его фиксации: после первой короткой *суры* «ал-Фатиха» — молитвы, играющей важную роль в исламском ритуале, следуют длинные. Хотя далее и прослеживается тенденция к уменьшению длины *сур* от начала Корана к его концу, более половины *сур*, нарушают этот принцип организации текста и предшествуют более длинным. Большинство *сур* (за редким исключением — 1, 113, 114, 55, 12) объединяют разнохарактерные отрывки, различные откровения, произнесенные в разное время и по разным поводам. До сих пор неясны как принцип такого соединения, так и то, когда и под чьим руководством это было сделано. Важно помнить, что Пророк мог выступать с одной и той же проповедью в разное время и перед различной аудиторией. Свод текстов воедино, по-видимому, происходил и тогда, когда Мухаммад надиктовывал их своим секретарям.

Современные исследователи вслед за средневековыми мусульманскими учеными усматривают в структуре текста «смысловые блоки», объединяющие несколько *сур* и, по-видимому, связанные с работой по сведению откровений в единую Книгу, которой был занят сам Мухаммад в последние годы своей жизни и которую не успел завершить. Возможно, разные этапы этой работы нашли свое отражение в сообщениях о разных порядках (*тартиб*) расположения *сур*, восходящих к версиям текста, приписываемым таким сподвижникам пророка, как Ибн Масуд (ум. 653), Убайй б. Ка'б (ум. 642)

или 'Али (ум. 661). Древнейшие рукописи Корана, обнаруженные под крышей соборной мечети Сан'ы (Йемен) действительно сохранили разный порядок *сур*.

В тексте выделяется начальная группа длинных *сур*, составивших своеобразный зачин, важнейшую часть Писания (возможны аналогии с местоположением и ролью Пятикнижия у иудеев и Четвероевангелия у христиан). Часто говорят о «семи длинных *сурах*» (*ас-саб' ал-тивал*) (*суры* 2–7 + (8–9) или 2–7+10) и группе коротких, «расчлененных» (*муфассал*) *сур* в конце. По формальным принципам выделяют еще несколько групп *сур*: «стояйатные» *суры* (*ал-ми'ун*), т. е. все *суры* (кроме «семи длинных»), содержащие свыше ста *айатов* (10–12, 16–18, 20, 21, 23, 26 и 37); *ал-мусаббихат* *суры*, начинающиеся с «*саббаха ли-ллах*» («восхваляет Аллаха») или «*йусаббиху ли-ллах*» (57, 59, 61, 62, 64); *ал-калакил* *суры*, начинающиеся с «*кул*» («Скажи:») (72, 109, 112–114). Двадцати девяти *сурам* предшествуют отдельные буквы (*ал-фаватих*), число которых колеблется от одной до пяти. Множество исламских и европейских гипотез, объясняющих их значение и историю появления в тексте, не привели к возникновению общепризнанной теории. Такие «буквенные зачины» позволили выделить еще две группы *сур*: *ат-тавансан*, которые начинаются с *та' син* (26–28) и *ал-хавамим* (или *ал-хавамимат*), которые начинаются с *ха' мим* (11–46). И, наконец, выделяют группу *сур* эсхатологического содержания (20, 32, 36, 66, 67) и две *суры*, 113 и 114, связанные с охранительной магией и получившие название *ал-му'аввизатани* (эти две *суры* связаны и по ряду формальных признаков).

Все *суры*, за исключением девятой, начинаются с *басмалы* — формулы, традиционно переводимой как «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!». В этой связи важно отметить, что одна из древнейших рукописей Корана, фрагменты разрозненной копии которой хранятся в Санкт-Петербурге и Париже, не имеет стандартного разделителя между *сурами* 8 и 9.

Первоначально *суры* не имели названий. В ранних рукописях одну *суру* от другой отделял пробел, позднее часто заполнявшийся орнаментом. Однако требования удобства обращения к тексту привели к возникновению названий. Обычно *сура* получала название

не по содержанию, но по ключевым словам того или иного фрагмента. Часто названием становилось слово или выражение, встречающееся только в данной *суре*. Существование разных традиций передачи текста привело и к возникновению различных названий для одной *суры* (см. Приложение 1). Так, у *суры* 98 зафиксировано семь названий.

По времени произнесения в соответствии с мусульманской традицией *суры* подразделяются на мекканские (610—622 гг., девяносто *сур*) и мединские (622—632 гг., двадцать четыре *суры*, которые в большинстве своем длиннее мекканских). Европейские ученые (У. Мьюир, Т. Нольдеке, Х. Гримме, Р. Белл и др.) на основании анализа намеков на исторические события, развития стиля и словоупотребления, эволюции идей в проповеди Мухаммада предложили ряд более детальных хронологий, которые, тем не менее, остаются условными (см. Приложение 2).

В соответствии с потребностями культа и для благочестивых упражнений текст Корана был поделен на тридцать *джу'*зов и шестьдесят *хизбов*. Рукописи сохранили также деление на семь частей (*суб'*) и четыре части (*руб'*).

Большая часть текста Корана — полемика в форме диалога между Аллахом, «говорящим» от первого или третьего лица либо через посредников (дух, Джибрил), но всегда устами Мухаммада, и противниками Пророка или обращение Аллаха с увещеваниями и предписаниями к его последователям. Обычно мы не знаем совсем или можем только предполагать, что явилось причиной появления того или иного откровения, каковы были аргументы противной стороны. Коран — это запись живой речи, которая предполагала, что аудитория знает, о чем идет спор и в разной степени способна сама дополнить рассказ необходимыми деталями. С этой точки зрения Коран можно сравнить с Талмудом, в котором предполагается, что читатель знаком с ветхозаветными текстами и достаточно только нескольких слов, чтобы напомнить, о чем, собственно, идет речь.

Язык Корана — явление чрезвычайно сложное. Современный уровень понимания проблемы позволяет выделить в нем особые формы — сакральный язык, арабийский поэтический

язык (*койне*), обиходно-бытовое *койне* межплеменного общения в их мекканском варианте. Особенность языка Корана — отражение в нем эмоционального состояния Мухаммада, передававшего откровения.

Своеобразие языка, неоднородность формы и стиля Корана обусловлены длительностью создания, разнообразием его содержания, поисками точных средств выражения для идей и социальных реалий, находивших свое осмысление в процессе пророческой деятельности Мухаммада. При этом важно помнить, что Коран, по удачному определению М. Б. Пиотровского, «был неосознанным творением Мухаммада, отстраненным от своего творца».

Значительная часть текста Корана, особенно ранние *суры*, представляет собой рифмованную прозу (*садж'*). Мухаммад в этом следовал традиции публичных выступлений доисламских аравийских прорицателей и ораторов. *Суры* раннего периода — это короткие обращения, исполненные поэтической красоты и силы. Они представляют, часто вне понятной нам логической последовательности, поток идей и образов, внезапно возникших в сознании Пророка под воздействием идеи всемогущества единого Бога-Творца. Эти *суры* отражают смятение и страх перед Аллахом и Судным днем, неуверенность и горечь, отчаяние, вызванные тщетностью попыток обратить своих соплеменников в истинную веру. Более поздние увещевания и поучительные притчи, как правило, спокойны и сухи, появляется связность изложения, прослеживается аргументация. Для позднемекканских и особенно для мединских *сур* характерно развернутое, часто детализированное изложение. В целом язык Корана насыщен эпитетами и развернутыми сравнениями при относительно небольшом числе метафор, метонимий и т. п. Синтаксис Корана обусловлен формой диалога, в которой ведется изложение. Для него характерно отсутствие описательных оборотов и вводных предложений.

Язык Корана уникален. *Lingua sacra* Корана содержит особый смысловой код, обусловленный как ситуативным, так и широким социально-культурным контекстом. Анализ текстов Корана показывает, что проповеди Мухаммада должны были вызывать у его слушателей сложную гамму ассоциаций, которые, по существу,

дополняли слова Мухаммада. Эти ассоциации, особые «символические значения», лежат вне текста Корана, но, тем не менее, принадлежат к его космогонии. Вскрыть пласт этих значений сегодня невероятно трудно, а в ряде случаев и невозможно.

В словах, которые произносил Мухаммад, громадную роль играли интонация, модуляция голоса, жесты, выражение лица. В проповедях, произносимых перед разными слушателями в разное время, вновь и вновь звучал удачно найденный логический поворот, сравнение, яркий эпитет. То, что сегодня может восприниматься как однообразное повторение, в каждом конкретном случае оказывало на слушателей Пророка громадное воздействие. Тексты такого рода, как Коран, уже изначально «неполны» и требуют комментария.

Современные исследования показывают, что Коран как литературный памятник генетически связан с соответствующей предисламской традицией и составляет качественно новый этап в ее развитии. Во Внутренней Аравии к VII в. уже несколько столетий создавались и передавались различные тексты. Однако лишь небольшая часть произведений последнего предисламского века дошла до нас в поздней передаче. Главным образом это племенная поэзия, племенные предания (во многом это собрание прецедентов, восходящих к рассказам третейских судей), пословицы и поговорки (*амсал*), небольшие фрагменты религиозных текстов.

Мухаммад волею судьбы объединил в своем лице несколько социальных ролей, которые в обществе предисламской Аравии принадлежали обычно разным людям (*ка'ид*, *ра'ис*, *'акид* — «военный предводитель», *хакам* — «третейский судья», *саййид* — «вождь племени», *ша'ир* — «племенной поэт», «ведун», *хатиб* — «племенной оратор», *кахин* — «прорицатель»). Тексты Корана содержат элементы, связанные с особенностями выступлений каждого из этих лиц. Этим во многом объясняется стилистическая разнородность Корана.

Коран объединил практически все виды текстов, бытовавших в предисламской Аравии. Они были связаны воедино общей формой пророческого откровения. Однако Коран не был лишь повторением. Сплавив в единое целое в своих проповедях разные типы текстов, Коран переосмысливает и перерабатывает существовав-

шую традицию, сохраняя, однако, в ней главные, ключевые элементы. Наряду с новым расширенным представлением об аудитории это привело к возникновению качественно нового текста. Было бы, однако, большим упрощением сводить все стилевое многообразие коранических текстов только к влиянию особых функциональных форм речевой деятельности. Проповедям Мухаммада, особенно произнесенным в Медине, была присуща особая форма организации. Они, в частности, включали в себя не только само откровение, но и его разъяснение.

В этой связи следует отметить закономерность появления в мусульманской догматике представления об *и́джаз ал-Кур'ан* — чудесности, неподражаемости Корана (см. ниже). Традиционно считается, что в исламе оно сформировалось как в ходе полемики о сотворенности и несотворенности Корана, так и в полемике с христианством и иудаизмом при обосновании истинности пророческой миссии Мухаммада и превосходства мусульманской религиозной доктрины. Истоки чисто исламского представления о неподражаемости Корана (в догматических системах христианства и иудаизма сходное представление отсутствует) следует искать в исторических условиях сложения этого памятника.

Коран — исторический источник особого рода. Его интерпретация в огромной степени зависит от мусульманской экзегетической и исторической традиции, дающей исследователю общую хронологическую канву и позволяющую истолковать те или иные коранические фрагменты как намеки на исторические события и лица. Стоит поставить эту традицию под сомнение, как рухнет, например, и традиционное биографическое истолкование знаменитых *ай-атов* 93:6–11: «Разве не нашел Он тебя сиротой — и приютил? И нашел тебя заблудшим — и направил на путь? И нашел тебя бедным — и обогатил? И вот сироту ты не притесняй, а просящего не отгоняй, а о милости твоего Господа возвещай». Ведь такого рода сентенции — неотъемлемая часть многовековой религиозно-литературной традиции, зафиксированной в сотнях сочинений на множестве языков Передней Азии и Средиземноморья.

Последняя четверть XX в. принесла целую серию публикаций, авторы которых попытались вынести мусульманскую традицию

«за скобки». Приверженцы такого подхода смогли поставить источникам новые вопросы, заново взглянуть на привычную мозаику фактов, выявить слабость аргументации своих предшественников и ее зависимость от не всегда достоверных источников. Однако, на наш взгляд, значение этих работ состоит прежде всего в том, что они поставили в повестку дня необходимость обращения к независимым источникам, привели к разработке новых методик работы с текстами. Судя по всему, дальнейшие исследования лишь подтвердят основные, «каркасные» элементы мусульманского предания, в той степени, в какой анализ ранних списков Корана подтверждает ключевые этапы его ранней истории, внося при этом ряд существенных уточнений в мусульманскую традицию.

Своеобразие Корана как историко-культурного памятника и как исторического источника заключается в том, что он запечатлел не только многие элементы социальной психологии и религиозного сознания языческого мира, разрушавшегося родового общества, но и процесс утверждения монотеизма, новых социальных институтов и этико-культурных норм, в основном уже существовавших в обществе оседлых центров Внутренней Аравии, и закрепил их божественной санкцией. Мироззрение, явленное Кораном, обозначило новую ступень в развитии общественного сознания общества Аравии. Важно, что новые религиозные и социально-правовые идеи представлены как восстановленные в первоначальном виде старые.

Главная идея проповеди Мухаммада — необходимость обращения к единобожию. Аллах в Коране — Первотворец мироздания и Первопричина жизни. Многобожие безусловно осуждается, наказание за него — страдания «в жизни земной и будущей». Предупреждения о Судном дне (*ал-кийама*), полемика с многобожниками и «обладателями Писания», описание ада (*джаханнам*) и рая (*ал-джанна*), поучительные рассказы (*ал-масани*) о наказании «народов», таких, например, как 'ад и самуд, отвергнувших пророков, назидательные истории, восходящие к апокрифическим иудео-христианским преданиям и аравийскому фольклору, законоположения, регламентирующие жизнь мусульманской общины, составляют основную часть содержания Корана.

Коран запечатлел борьбу Мухаммада и молодой мусульманской общины с язычеством и язычниками, полемику с иудаизмом и христианством, которые преподносятся в Коране как религии, предшествовавшие и генетически родственные исламу, а также, возможно, борьбу с другими представителями доисламских арабских монотеистических течений. В ходе этой полемики естественным образом происходило насыщение коранических текстов религиозно-философскими идеями и сюжетами иудео-христианского круга и, опосредованно, некоторыми представлениями, восходящими к зороастризму и манихейству. Все это обусловило серьезную эволюцию коранических представлений на протяжении всего периода проповеднической деятельности Мухаммада. В частности, эволюционировало представление о самой сущности посланнической миссии и характере ниспослания откровений. Постепенно складывались и коранические представления о мире сверхъестественном.

В процессе становления ислама как религии и осознания Пророком и его последователями ее самостоятельности появились новые правила обрядности и отправления культа, религиозно-правовые предписания, определявшие образ жизни и поведение мусульман, которые также нашли отражение в Коране.

Усвоение идей Корана явилось закономерным результатом религиозного и социального развития общества Аравии. Появление этого памятника отразило глубинные связи культуры, религиозных и социальных представлений арабов с культурой и историческим опытом народов Передней Азии.

2.2. «Кораноцентризм» мусульманской культуры

Коран явился манифестом внутреннего религиозно-политического движения, выросшего из многовекового исторического опыта Аравии. Однако история показала, что как самый пафос коранической проповеди, так и ее конкретные составляющие стали откликом на духовные потребности всей Передней Азии в период становления средневекового общества. Благодаря военным и политическим победам ислама и способности последнего абсорбировать

чужое и новое Корану суждено было стать центром одной из ведущих форм идеологического осмысления действительности в эпоху средневековья. В ходе социально-идеологических процессов, происходивших одновременно с арабо-мусульманской экспансией, Коран занял выдающееся положение во всех сферах общественной жизни. Он стал главным источником религиозных предписаний и социальных установлений, этико-культурных норм и стандартов общения. Коран ознаменовал собой возникновение качественно новой общезначимой знаковой системы, в терминах которой члены мусульманской общины осознавали себя и мир. Сакрализация языка Корана сыграла важную роль в сложении на территории Халифата новой социально-коммуникативной системы. Изучение Корана мусульманскими теологами и лингвистами, вызванное в первую очередь потребностями единообразного чтения и понимания Священного текста, привело к становлению целого спектра научных дисциплин.

Наступательный порыв мусульманских армий оказался столь велик, что очень скоро завоевания выплеснулись далеко за границы Передней Азии (рис. 3). На огромном пространстве от Пиренеев до Памира на обломках государственных образований поздней античности возникали государства мусульманского средневековья. Для миллионов людей это означало достаточно быструю смену (в течение жизни двух-трех поколений) основных культурных ориентиров.

Своеобразие процесса заключалось в том, что по существу новая идеология создавалась на основе непререкаемого закона — Корана, отразившего внутренние особенности и проблемы общества Аравии. Именно в ходе этого процесса вполне проявился колоссальный адаптационный потенциал учения, краеугольный камень которого составили проповеди Мухаммада.

В условиях преобладания неарабского элемента на территориях, вошедших в состав мусульманской империи, и столкновений с государствами «письменных религий» задача кодификации Священного текста стала для носителей новой идеологии важнейшей. Создание «конкурентной» Книги было напрямую связано с формированием и утверждением арабской нации.

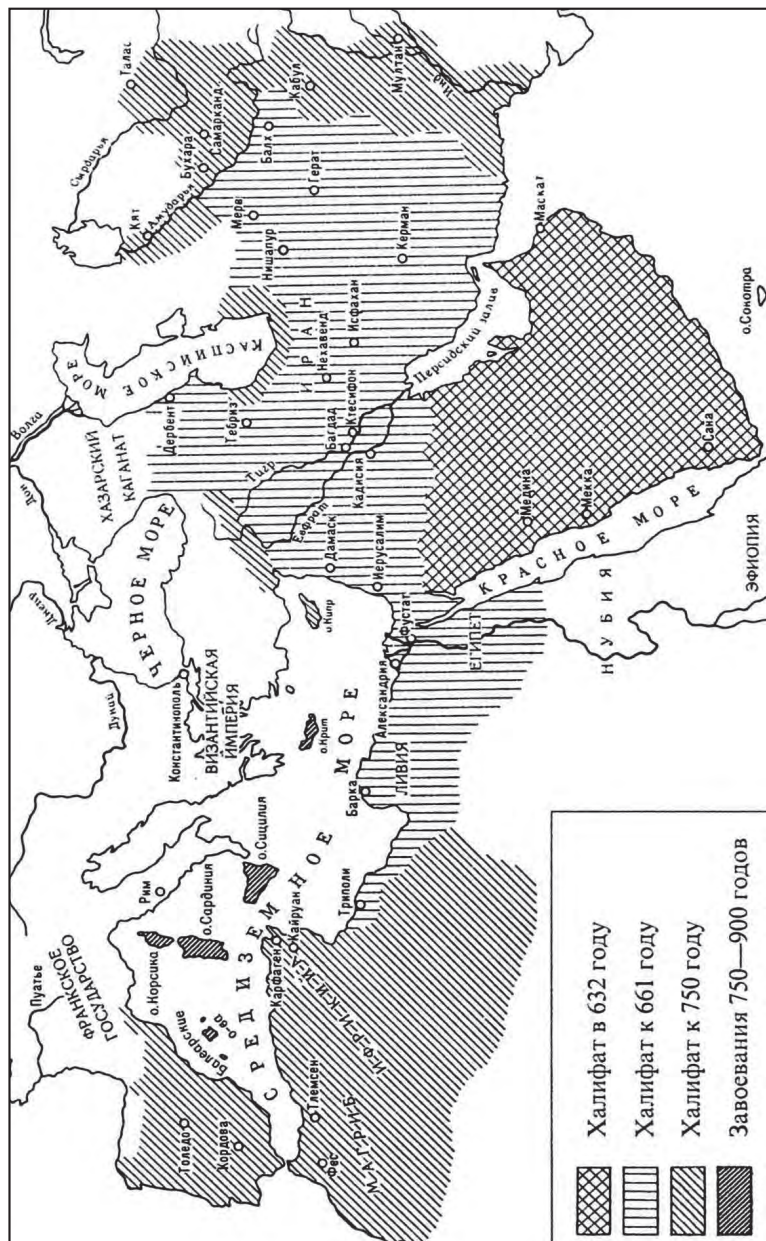

Рис. 3. Ислам в VIII—X вв.

История фиксации текста Корана занимает несколько столетий и неразрывно связана с важнейшими событиями в жизни ислама.

Во время проблемой, вызывавшей на Ближнем Востоке острейшие споры, стало соотношение видимого, сотворенного людьми образа божества с идеей единобожия. Отказ ислама от фигуративного искусства был следствием общей тенденции, возникшей в VI в. н. э. и заключающейся во все большем неодобрении, с которым в иудаизме и христианстве относились к почитанию божества с помощью его рукотворного образа, что постепенно стало рассматриваться как уступка язычеству. отождествление Бога с Логосом, Словом, поставило вопрос о необходимости его символического отображения. Дискуссии в иудаизме, иконоборческое движение в христианстве и, наконец, запрет к концу VIII в. фигуративных изображений сначала в мечети, а затем и в исламском искусстве вообще явились в конечном счете отражением борьбы двух тенденций, длительное время сосуществовавших в религиозной мысли и общественном сознании как народов Средиземноморья, так и в значительно более широкой временной и географической перспективе³.

Анализ широкого круга ранних эпиграфических материалов (в частности, из мечети «Купол скалы» в Иерусалиме) (рис. 4) убедительно показывает⁴, что изображения коранических фрагментов — «картин Слова Божьего» стали играть в мечети ту же функциональную роль, что и росписи христианских храмов, являясь своеобразной знаковой системой, описывающей, в частности, религиозно-мифологическую картину мира. Впоследствии множество изразцов, украшавших мечети и мавзолеи, могли нести значительные части текста, превращая все здание в «рукопись» Священной книги. Все это привело к тому, что каллиграфия стала основой художественной культуры мусульманских народов.

Огромную роль в развитии и становлении того многопланового феномена культурной истории человечества, который коротко обо-

³ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. «Структурно-типологический подход к семантической интерпретации произведений изобразительного искусства в диахроническом аспекте», *Труды по знаковым системам* VIII (Тарту, 1977), с. 16–32.

⁴ С. Е. Dodd, Sh. Khairallah. *The Image of the Word: A Study of Qur'anic Verses in Islamic Architecture*. 1. Texts and photographs; 2. Indexes (Beirut, 1981).

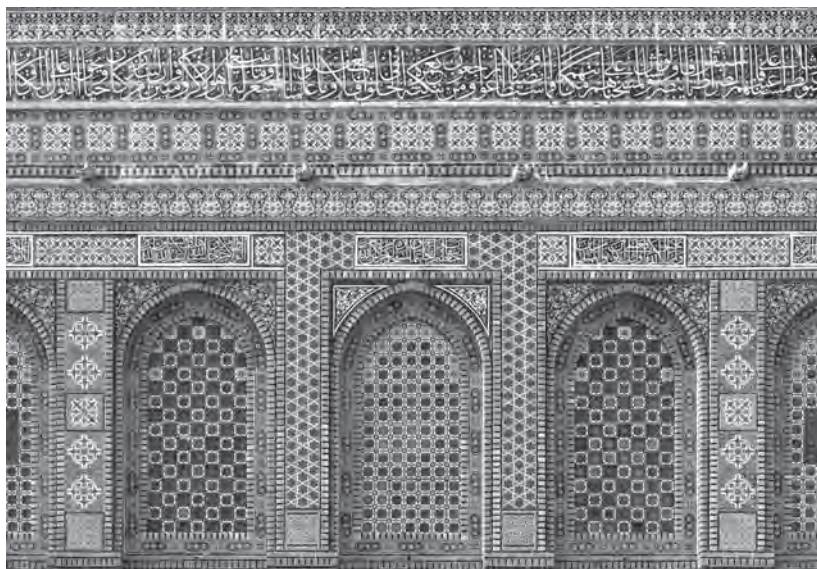

Рис. 4. Часть фасада мечети «Купол Скалы» на Храмовой горе в Иерусалиме, обновленного в 1545/6 г. по приказу султана Сулаймана.

значается словом «Коран», сыграли суфийские учения и их адепты. Именно им ислам обязан развитием учения о рецитации Корана, созданием системы знаков, завершившей длительный процесс фиксации его единообразного текста, и развитием принципов аллегорического истолкования текста, которые легли в основу сотен сочинений, составивших важный элемент исламской религиозной культуры. Особенности суфийского вероучения самым непосредственным образом отразились на характере использования «слова Аллаха» в религиозной практике и на внешнем облике рукописей Корана и памятников околоранической литературы. Мирозрение членов суфийских братств стало катализатором широкого проникновения фрагментов коранического текста «в быт», когда вера в магическую силу «слова Аллаха» привела к массовому появлению *айатов* и их фрагментов на изделиях оружейников, ювелиров, гончаров, строителей и ткачей. Сегодня можно говорить и еще об одном важном элементе в системе отношений «Коран —

суфизм». Речь идет о религиозно-культурной парадигме, связанной с сохранением древнейших списков в качестве священных реликвий суфийских братств. Самим своим существованием эти рукописи, сохранившие древнейший пласт истории Священного текста, должны были подтверждать предания, сопровождавшие историю *силсила* того или иного братства, утверждать авторитет их *шайхов*, привлекать новых адептов и будить религиозный энтузиазм у верующих. Именно здесь, по нашему мнению, лежит разгадка феномена, получившего название «Кораны 'Усмана».

Многовековая конфронтация христианского мира с миром ислама привела к тому, что изучение Корана в Европе могло иметь место лишь в контексте противостоящих политико-идеологических и профессиональных интересов. Благодаря мусульманской экспансии ислам стал неотъемлемой частью истории народов как Западной, так и Восточной Европы. Факты позволяют говорить о практически одновременном возникновении двух традиций изучения Корана — внутри- и внеисламской. Идеологическая заданность изучения постоянно обуславливала выбор подхода к Священной книге ислама и характер ее истолкования. Вплоть до настоящего времени религиозная принадлежность автора того или иного исследования самым непосредственным образом сказывается на оценке Корана как историко-культурного памятника.

Все вышесказанное характерно и для России. Ее геополитические интересы, наличие миллионов подданных-мусульман стали катализатором обращения русских исследователей и переводчиков к Корану, который, естественно, рассматривался как главный источник информации об исламе в целом. Многолетняя идеологическая монополия сначала православия, а потом и марксизма-ленинизма обусловила как многие особенности истории ислама в России, так и характер подходов к изучению Корана. Однако именно Россия, мусульманское население которой переживало на рубеже XIX — XX вв. подлинное религиозно-культурное возрождение, подарила миру плеяду интереснейших мусульманских авторов.

Вопросы для самоконтроля

Что представляет собой язык Корана?

Что верно?

1. Язык племени курайш, который одновременно был и языком классической арабской поэзии.
2. Литературный наддиалектный поэтический язык Аравии (поэтическое койне) с некоторым влиянием элементов разговорного языка Мекки.
3. Искусственный *Hochsprache*, который понимали повсюду в Хиджазе.
4. Он был во многом «сконструирован» арабскими филологами VIII–IX в. в ходе процесса создания канона.

В связи с чем текст Корана был поделен на тридцать джу'зов и шестьдесят хизбов?

Что верно?

1. В связи с историей фиксации текста.
2. Этого требовали особенности переписки Священного текста.
3. В соответствии с потребностями культа и для благочестивых упражнений.
4. Так как такое деление было зафиксировано в древнейших рукописях.

Каков принцип организации текста Корана?

Что верно?

1. После первой короткой суры «ал-Фатиха» каждая сура строго длиннее предыдущей.
2. Прослеживается тенденция к уменьшению длины суры от начала Корана к его концу, более половины суры нарушают этот принцип организации текста и предшествуют более длинным.
3. От самых длинных суры к самым коротким.
4. Четкой тенденции не прослеживается, что связано с историей фиксации текста.